

УДК
821.161.1 (русская литература)
ORCID iD 0000-0002-3205-9205

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТОВ
(О РОМАНЕ «ДАР» В.В.НАБОКОВА)

Смирнов Кирилл Валентинович

Кандидат филологических наук

*Преподаватель русского языка, литературы и философии
АПОУ ВО СПО Вологодский колледж связи и информационных технологий.*

Адрес: 160000 г. Вологда, ул. Зосимовская, 52 – 35.

Контактные телефоны: 89005404789

RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY IN THE EYES OF EMIGRANTS
(ABOUT THE NOVEL "GIFT" BY V.V. NABOKOV)

Smirnov Kirill Valentinovic

Candidate of philology

*Graduate student of literature, teacher of Russian, literature and philosophy
Vologda College of Communication and Information Technology.*

Address: 160000 city Vologda, Zosimovskaya street, 52 – 35.

Contact number: 89005404789

Аннотация. В данной статье анализируется специфика восприятия русской литературы XIX века героями романа В.В. Набокова «Дар». Доказано, что центральные образы произведения – Годунов-Чердынцев и Кончеев – занимают в ходе спора как противоположные, так и близкие позиции. Сам процесс критики Годуновым-Чердынцевым и Кончеевым русских писателей XIX века базируется на излишней детализации, что, в свою очередь, ставит под сомнение правильность озвучиваемых героями положений. Причиной некоторой некорректности выступает хронотоп романа – действие произведения разворачивается за пределами России. Набоков представил две противоположные позиции касательно русской литературы XIX века, причем обе могут быть охарактеризованы как полемичные по своей сути.

Статья может быть интересна всем, кто занимается русской литературой как XIX, так и XX столетий.

Abstract. This article analyzes the specificity of perception of Russian literature of the 19th century by the heroes of the novel by V.V. Nabokov's "Gift". It is proved that the central images of the work - Godunov-Cherdyntsev and Koncheev - occupy both opposite and close positions during the dispute. The very process of criticizing Russian writers of the 19th century by Godunov-Cherdyntsev and Koncheev is based on excessive detailing, which, in turn, casts doubt on the correctness of the positions voiced by the heroes. The chronotope of the novel is the reason for some incorrectness - the action of the work unfolds outside of Russia. Nabokov presented two opposing positions regarding Russian literature of the 19th century, both of which can be characterized as polemical in nature.

The article may be of interest to everyone who is engaged in Russian literature of both the 19th and 20th centuries.

Ключевые слова: русская литература XIX века, полемика, детализация, критика, эмиграция, дуализм, эстетика.

Keywords: Russian literature of the 19th century, polemics, detailing, criticism, emigration, dualism, esthetics.

Русская литература XIX века – явление уникальное не только для отечественной, но и для мировой культуры. Сам процесс формирования русской литературы может быть рассмотрен как длительный путь от религиозных исканий мыслителей предшествующих XIX столетий до актуализации злободневных житейских проблем, нашедших свое воплощение в творческом наследии А.С. Пушкина. О «золотом веке» русской литературы, несмотря на прошедшее столетие, продолжают спорить литературоведы и исследователи. Зарождаются новые направления анализа: от формализма В.П.Шкловского [9] до концепции деконструкции Ж.Деррида [1]. Психоанализ, мифология, религии, культурология – все эти направления мысли в равной степени находят себя на страницах литературоведческих работ применительно к творчеству писателей XIX века. В связи с этим не случайными выступают и многочисленные ссылки на произведения А.Н.Островского, И.А.Гончарова, Ф.М.Достоевского и проч. в произведениях разных литературных жанров, где знакомые герои приобретают либо новые черты или освещаются в ранее неизвестном ракурсе. В данной статье разговор пойдет о романе В.В. Набокова «Дар», в котором тема русской литературы XIX века представлена довольно внушительно. Методами исследования стали синтез и анализ. Библиографическую основу данной статьи сформировали труды А.А. Долинина, О.Н. Михайлова, И.Ю. Симачевой и проч.

Впервые идейный спор о русской литературе появляется на страницах романа в критическом диалоге поэта Кончеева и обедневшего эмигранта Федора Константиновича Годунова-Чердынцева. По существу, этот фрагмент текста может быть вынесен как самостоятельный. «Одновременно В. Набоков сравнивает Чернышевского с предшественниками – с Пушкиным, Гоголем, рассуждает о личностях Гегеля, Фейербаха, Маркса, Ленина. Так, отдельная глава предстает как полноценное произведение внутри романа», - замечает В.И. Хрулев [10, с.145]. Спор ведется о «качественности» русской литературы XIX века как таковой. Выбор данной темы не случаен, т.к., по наблюдению А.В. Млечко, «предельно абстрагируясь, у Набокова можно выделить две главные темы, вокруг которых получают свое развитие другие темы во всем своем многообразии и взаимодействии, – это темы памяти и творчества» [4, с.82]. Герой Набокова Кончеев занимает довольно жесткую позицию, в некотором роде сближенную с позицией Ю.И. Айхенвальда. В частности, речь идет о том, что русская литература XIX века в достаточной степени романтизирована, отчего теряется само понимание ее внутренней структуры и роли в общественной жизни. Каждый текст, таким образом, представляется читателю венцом литературной мысли, однако это не совсем так. Кончеев заявляет: «Не забудьте, что как-никак вся русская литература, литература одного века, занимает - после самого снисходительного отбора - не более трех-трех с половиной тысяч печатных листов, а из этого числа едва ли половина достойна не только полки, но и стола» [5, с.66]. Его позиция применительно к русской литературе XIX века базируется именно на этом утверждении – на фактическом принижении того, что является общепризнанным достоянием русской культуры. Годунов-Чердынцев в рамках диалога пытается вывести Кончеева на более конкретизированный разговор, чтобы найти в его теории неточности и впоследствии эту самую теорию опровергнуть. Но именно в примерах Кончеева и появляется уже более детальная критика, обретающая не голословный, но аналитический характер. Кончеев говорит: «Извольте: если раскрыть Гончарова или...» [5, с. 66] и после реплики Годунова-Чердынцева продолжает: «Тут я вас уловлю. Разве вы не читали у того же Писемского, как лакеи в передней во время бала перекидываются страшно грязным, истоптанным плисовым женским сапогом? Ага! Вообще, коли уж мы попали в этот второй ряд - Что вы скажете, например, о Лескове?» [5, с.66]. Наконечник критики Кончеева направлен против всей русской литературы XIX века как таковой, при этом главным инструментом выступает детализация, использованная писателями. По мнению Кончеева, метафоричность не придает эстетичности описанию бытовых подробностей, т.к. она является неуместной и лишеной композиционной значимости. Иными словами, сам факт изысканности для изысканности претит самому внешнему качеству текста. Именно на это обращает внимание Кончеев и именно на эту особенность указывает Годунов-Чердынцев. Однако аргументы последнего лишь дополняют резкости суждениям Кончеева. Поэт проводит разделение между писателями и подразделяет их на два яруса: первый и второй ряд. Лесков и Писемский, по мнению Кончеева, являются представителями второго ряда писателей, отчего в их произведениях фактор «лишней детализации» выглядит еще более скудным и еще более бесполезным. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: в разговоре Кончеева и Годунова-Чердынцева прослеживается мировоззренческий дуализм – говоря с позиции эмигрантов, оба участника диалога используют довольно резкие доводы, однако если Годунов-Чердынцев настаивает на сохранении эстетики русской литературы XIX века, то Кончеев – наоборот, видит в ней как раз отсутствие этой самой эстетики, упрекая авторов предшествующего столетия в излишней детализации. Озвучивание Кончеевым некоторых, на его взгляд, некорректных описаний позволяет говорить об использовании Набоковым своеобразной речевой игры, которая, по мнению Г.Ф. Рахимкуловой, «предполагает изучение различного рода игровых приемов, манипуляций с языком, которые обеспечивают возможность подчинения текста игровой установке, нацеленность его на игру с читателем» [7, с.45]. На эту особенность стиля Набокова указывала и А.А. Пимкина, говоря о «языковой игре» как художественном приеме. «Игровая поэтика», которая подразумевает «всю систему художественных средств, способствующих созданию игровой специфики текста» - пишет А.А. Пимкина [6, с.9]. Говоря о языке, нельзя было не коснуться творчества А.С. Пушкина. Разумеется, в подобном диалоге не могло обойтись и без великого русского поэта и прозаика, однако Годунов-Чердынцев всячески препятствует развитию диалога в данном направлении. «Для всех цель был ясна – низвержение большевизма в России. Требовалось имя для реализации этой цели. Таким именем стало имя Пушкина...» – пишет И.Ю. Симачева [8, с.9]. Но и он ничего не смог противопоставить критике Кончеевым И.С.Тургенева. По мнению поэта, Тургенев всецело унаследовал тенденциозность детализации от своих современников. Подобный парадигмальный характер детализации, о котором говорит Кончеев и в котором видит главный недостаток русской литературы XIX века, свидетельствует о стремлении найти слабые места в общественно признанном материале. В определенной степени такой подход приближает к параллелизму, свойственному для XXI века, когда библейские тексты становятся предметом пристального анализа именно в формате детализации. Подобный подход, несомненно, может быть принят как попытка дать более точный анализ Библии, однако в равной степени он является и ошибочным. Действительно, в книге книг довольно много нюансов, которые впоследствии никак не разрабатываются: какого роста была Ева, если Бог ее создал из ребра Адама? Откуда появились люди в далекой земле, куда отправился Сиф? Наконец, почему жертва Авеля (по всем канонам древнего мира языческая) была принята, а жертва Каина – нет. Собственно, в данном направлении можно довольно долго искать ответы на вопросы. Но Библия – это не сборник историй о жизни людей; это, прежде всего, антропоцентризация бытия и представление тех ошибок и заблуждений, которых следует избегать. Можно бесконечно долго полемизировать на почве жертвы Иова, но это не отменяет сути библейского мифа – целью мифа является изображение верности Иова Богу, но ни в коем случае

не изображение убийства. На подобный ошибочный путь встает и герой Набокова Кончеев. Обращая внимание на некоторые элементы текста, поэт совершенно нивелирует контекст произведения, уделяя внимание только форме, но не содержанию. В этом случае он ближе всего к формалистам, причем к худшему их звену, отчего его умозаключения более напоминают пародию, нежели устойчивую мировоззренческую позицию. Поэтому дальнейший разговор выстраивается в формате критики детализации, но уже применительно к Тургеневу. Кончеев говорит: «Так неужели-ж у Тургенева все благополучно? Вспомните эти дурацкие тэтатэты в акатниках? Рычание и трепет Базарова? Его совершенно неубедительная возня с лягушками? И вообще - не знаю, переносите ли вы особую интонацию тургеневского многоточия и жеманное окончание глав? Или все простим ему за серый отлив черных шелков, за русачью полежку иной его фразы?» [5, с.67]. Так или иначе, говорить о чем-либо, кроме жесткой критики применительно к детализации (в большинстве своем, немотивированно вырванной из текста) в отношении точки зрения Кончеева не приходится. Парадоксально, именно после Тургенева Годунов-Чердынцев начинает сближаться с Кончеевым: «Мой отец находил вопиющие ошибки в его и толстовских описаниях природы, и уж про Аксакова нечего говорить, добавлял он, - это стыд и срам» [5, с.67]. Годунов-Чердынцев, таким образом, становится в большей степени идейным соратником Кончеева, видимо, исчерпав аргументы в плане защиты русской литературы XIX века. По замечанию А.А. Долинина, «мир предстает перед нами в потоке комплексного и неиерархического «восприятия-воображения-вспоминания-осмысления» главного героя романа» [2, с.31]. Герой, изначально представленный как защитник литературы «золотого века» совершенно неожиданно обрушивается с критикой на Тургенева, обнаруживая, как было сказано выше, недопустимые ошибки в описании природы. При этом Аксаков вообще не воспринимается как писатель или, скорее, с некоторой иронией может быть отнесен к авторам второго ряда. Подобное сближение идейных парадигм Кончеева и Годунова-Чердынцева может указывать на одну довольно специфическую особенность двух недавних спорщиков: диалог о русской литературе ведется вне России, причем оба спорщика, если принимать во внимание художественную реальность, довольно молоды и амбициозны. Фактор эмиграции, скорее всего, возымел определенную власть над их мировосприятием, отчего на лицо некоторая гиперболизация взглядов: все, что хотя бы косвенно соприкасается с Россией, может и должно восприниматься как нечто враждебное и чуждое. Собственно в этом состоит один из литературных парадоксов, описанных Набоковым в романе «Дар»: критическую оценку русской литературы XIX века дают два молодых человека, которые при этом находятся за пределами России, но характеризуют себя не иначе как знатоки русского менталитета. Однако из-за некоторой литературной халатности, свойственной обоим героям, они способны говорить лишь о фрагментах текстов (которые, кстати, знают практически наизусть, без труда цитируя не самые афористичные фрагменты произведений), абсолютно игнорируя контекстуальную парадигму.

Подводя итог ранее сказанному, хотелось бы отметить: в споре между Кончеевым и Годуновым-Чердынцевым Набоков показал две противоположные позиции видения русской литературы XIX века, которые, тем не менее, сближаются. Причиной тому был хронотоп романа, который в значительной степени предопределил мировоззрения героев. Роман «Дар», таким образом, можно характеризовать как роман мировоззренческих оппозиций. Исследователь творчества Набокова О.Н. Михайлов писал: «Его метод – мистификация, игра, мнимые галлюцинации, «цветное» ощущение, пародии. Жизнь, по Набокову, есть бессмыслица, помарка природы» [3, с.362]. Возможно, рассмотрение в подобном ракурсе полемики героев о русской литературе XIX века откроет новые направления исследования, однако это уже материал для другой статьи.

Список литературы

1. Деррида, Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 608 с.
2. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Две вершины – «Приглашение на казнь» и «Дар» // В.Набоков. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2002. – С.9-43.
3. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. От Мережковского до Бродского. М.: Просвещение, 2001. – 335 с.
4. Млечко А.В. Память, забвение и «фигуры возвращения»: роман В.В. Набокова «Дар» в «русском тексте» «Современных записок» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. №1. 2008. – С. 80-91.
5. Набоков В.В. Дар. – М.: СП «Слово», 1990. – 332 с.
6. Пимкина А. А. Принцип игры в творчестве В. В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 171 с.
7. Рахимкулова Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2000. – 329 с.
8. Симачева И. Ю. Пушкиниана Русского Зарубежья в периодике Франции 20–30-х гг. М.: МПУ, 2000. – 155 с.
9. Ханзен-Леве Оге А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
10. Хрулев В.И., Узбекова Г.Ф. Поэтика игры в русскоязычных романах В.Набокова // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. – С.140-148

